

К читателю

М

Мне выпала отнюдь не легкая задача. Еще при жизни Тулуз-Лотрека о нем ходило много легенд. Я же стремился раскрыть истинное лицо художника.

На первый взгляд может показаться, что вся жизнь Лотрека прошла на людях и потому известна, но это впечатление обманчиво. Глубоко ошибаются те, кто полагают, что достаточно мысленно представить себе феерическую атмосферу Монмартра того времени, чтобы понять Лотрека. Яркий искусственный свет Монмартра чаще всего искажал облик Лотрека. Монмартр для него был не только декорацией, на ее фоне он умел видеть людей в их обнаженной сути. За нарочито беспечным весельем Монмартра он лучше, чем кто-либо другой, угадывал горькие слезы. Он никогда не обманывался. Ни в ком и ни в чем. И не обольщал себя напрасной надеждой. Его жизнь была короткой и драматичной. Лотрек ни на минуту не забывал о своей трагедии, но скрывал это, боясь вызвать жалость. Обиженный судьбой калека был истинным аристократом духа, и многие, даже самые близкие ему люди, не всегда догадывались о его мучительной ране. Пожалуй, трудно найти человека, который бы так предельно ясно осознавал свою участь и относился к ней так трезво.

Жизнь этого человека я и попытался описать в своей книге. Здесь, как и в моих книгах о Ван Гогге и Сезанне, нет места домыслу. Я старался быть как можно ближе к истине,

быть предельно точным. Нужно ли говорить, что я не жалел сил, чтобы достичь этой цели? Я читал и сравнивал все, что было издано о Лотреке. Познакомился со всеми неопубликованными материалами, которые смог найти, опросил людей, знавших художника, побывал в местах, где он жил, собрал сведения о людях, которые сталкивались с ним в его бурной короткой жизни.

Работа над книгой была бы для меня непосильной, если бы целый ряд лиц, в той или иной степени имевших отношение к художнику, не пришли мне на помощь. Благодаря им мне удалось раскрыть многие неизвестные дотоле факты из жизни Лотрека, полностью восстановить его биографию, уточнить некоторые иногда очень важные подробности и глубоко проникнуть в душу моего героя. О семье художника, детстве и юности мне дала ценные сведения его родственница — мадемуазель Мэри Тапье де Селейран, чьи труды не имеют себе равных. Она же рассказала мне о художнике, показала замок Боск. Робер де Монкабрие, тоже родственник Лотрека, к тому же одно время считавшийся его учеником, был настолько любезен, что письменно подробно ответил на мои вопросы. Немалую помощь оказал мне Серей д'Эрвиль (Сильвен Бонмариаж): он великодушно предоставил в мое распоряжение записи своих бесед со свидетелями жизни Лотрека, которые он вел в течение многих лет, в частности с Жанной Авриль, Роменом Коолюсом, Эдгаром Дега, Максеном Детома, Альфредом Эдвардсом, Феликсом Фенеоном, Фоти, мадам Айрем, Шарлем-Эдуаром Люка, Л.-О. Ракемом, Амбруазом Волларом и другими. Мишель-Анж Бернар решил мне пользоваться архивом его отца, Эмиля Бернара. Франсис Журден, Эдмон Эзе и доктор Луи Шуке, зять Адольфа Альбера, охотно поделились со мной своими воспоминаниями о Лотреке и некоторых его друзьях. Мсье и мадам Экстеенс дали мне интересные сведения о Гюставе Пелле и других близких художнику людях. Эмиль Потье, мэр Виллье-сюр-Морен, помог мне восстановить многие детали, связанные с пребыванием Лотрека в этом местечке. Доктор Гастон Леви рассказал мне о болезни Лотрека, предопределившей его судьбу. Жан Адемар, помощник хранителя

Кабинета эстампов, труды которого являются ценным вкладом в литературу о Лотреке, с большой готовностью предложил мне свою помощь, равно как и мадам Тюлар, заведующая архивом префектуры полиции. Исследования мадам Марсель Дюшмен, служащей в инспекции психиатрических больниц, многое добавили к собранному мною материалу о пребывании Лотрека в лечебнице доктора Семеленя в Нейи. Мсье Роми допустил меня к своей редчайшей коллекции документов и указал нужные источники информации. И наконец, я должен принести свою глубокую благодарность мадам дю Феррон-Анкетен, невестке Луи Анкетена, профессору Анри Мондору и профессору Логру, докторам Семеленю-сыну, Пьеру Валлери-Радо, Р. Шантемессу, Шарлю Лорану, Андре Девешу, Морису Ламбийотту, Арману Готу и Люсьену Ноэлю, которые помогли мне обогатить собранный мною материал и уточнить ряд фактов. Выражаю всем им свою искреннюю признательность.

А. П.

Пролог

МАЛЕНЬКОЕ СОКРОВИЩЕ

(1864—1879)

Нет в мире вещи, стоящей пощады.
Творенье не годится никуда.

Гёте. «Фауст»

(Перевод Б. Пастернака)

Н

Над Альби бушевала гроза. В небе, сотрясая воздух, гремели раскаты грома, а в старинном замке, возвышавшемся у древней башни городской стены, графиня Адель де Тулуз-Лотрек-Монфа мучилась в родовых схватках.

В ту ночь 24 ноября 1864 года над Альби разразилась сильная осенняя гроза. Дождь лил как из ведра. Над крышами домов скользили змейки молний, озаряя мертвенным светом красный кирпичный город, высокую ограду собора-крепости, возвышавшегося неподалеку от замка, и внизу, в ущелье, бурные воды Тарна.

Молодая женщина, измученная долгими и трудными родами, вздрагивала и стонала при каждом ударе грома. Год назад, в мае, она вышла замуж за своего двоюродного брата, графа Альфонса, тогда офицера. Его мундир потряс воображение юной Адели, которой едва минул двадцать один год. И вот теперь она ждала ребенка, сына, как она надеялась, который будет с честью носить имя, овеянное славой его предков.

Да и все вокруг мечтали о мальчике: мать графини Адели и ее свекровь — они были сестрами и обе впервые долж-

Старинный город Альби во Франции.

ны были стать бабушками, свекор, Черный Принц, суровый властелин, обосновавшийся в своем родовом замке Боск, где он был истинным автократом, и, конечно, муж графини Адели, граф Альфонс, который всегда жил несбыточными мечтами и теперь уже заранее представлял себе то время — и чем раньше оно настанет, тем лучше! — когда сын будет сопровождать его на соколиную охоту и в прогулках верхом по графским угодьям.

Все было приготовлено для наследника: колыбель, пеленки — муслин и кружева, кольца из слоновой кости, золота и серебра — они понадобятся ему, когда у него начнут резаться зубки, роскошное, достойное принца платье для крестин с разбросанными по нему вышитыми лилиями, похожий на корону парчовый чепчик, который ему наденут, когда в его честь зазвонят колокола собора Сент-Сесиль.

Все было продумано заранее. Даже имя. Решили, что новорожденного назовут Мари-Раймон, но основное его имя

будет Анри. Так звали графа де Шамбора, последнего из Бурбонов по старшей линии, который, по убеждению рьяного легитимиста графа Альфонса, был единственным законным претендентом на престол Франции, постыдно захваченный теперь племянником узурпатора.

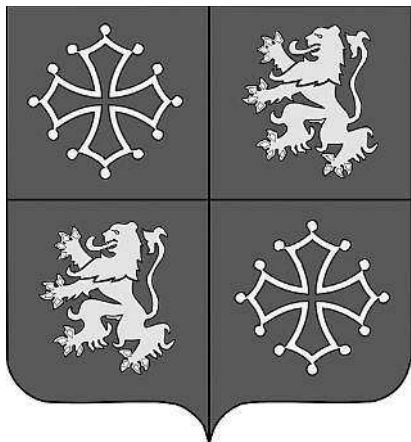
Гроза и ливень не утихали. Небо над Альби полыхало и неистовствовало. Графиня Адель до конца дней своих не забудет той ужасной ночи. Уж не является ли эта разбушевавшаяся стихия дурным предзнаменованием? Измученная, обуреваемая тоскливыми предчувствиями, графиня ждала своего первенца. Только бы родился сын!

«Diex lo volt» — «Такова воля Божья» — гласит девиз родового герба Тулуз-Лотреков, на четверчастном щите которого, увенчанном короной суверенного графа, помещался в первой и четвертой червлених частях укороченный ажурный круглый золотой крест — герб графов де Тулуз, а во второй и третьей червлених частях — золотой лев, стоящий на задних лапах, клыки и язык которого были из финифти, — герб виконтов Лотрек.

Так пусть же Бог даст сына, который станет истинным Тулуз-Лотреком: он будет жить, отрешенный от этого недо-

Портрет графини Адели
де Тулуз-Лотрек.

Герб французского графского рода
Тулуз-Лотреков.

стойного века, он посвятит себя благородным наукам, будет великолепным наездником, первоклассным охотником, обладателем лучших соколов и гончих собак, он с честью будет носить свое славное имя, он никогда не посрамит свой древний род... Сын! Только сын! «Поверьте мне, — говорил граф Альфонс, — лучше быть еретиком мужского рода, чем христианином женского».

Боже, дай нам сына!

И вот под раскаты грома и вспышки молний графиня родила мальчика.

Diex lo volt!

Такова воля Божья!

Анри рос очаровательным малышом, с ясным взглядом, пухлыми щечками. Особенно хорош он был в модной шотландской юбочке с болеро — англомания распространилась в те времена и на одежду.

У Тулуз-Лотреков — а они со всеми своими родственниками составляли многочисленную семью — Анри был первым ребенком нового поколения. Еще и поэтому его особенно лелеяли. С гордостью и нежностью мальчика называли «*Bébé lou roulit*», что на южном патуа означает «красивый малыш». А одна из бабушек в умилении окрестила его Маленьким Сокровищем.

Маленькое Сокровище входил в жизнь окруженный любовью. И так было повсюду, где бы он ни появился. Родители его не засиживались на одном месте, и он жил то в Альби, в замке с обитыми старинным штофом комнатами, где он впервые увидел свет, то в обширном поместье Селейран, в Лангедоке, то чаще всего в замке Боск, где властвовал Черный Принц. Над долиной Виора красиво возвышались круглые башни, черепичные крыши и обвитые плющом высокие стены этой сеньориальной обители.

В Боске жизнь кипела ключом. Замок просыпался на заре. Во дворе лаяли собаки, лошади били копытами землю, а Черный Принц, подтянутый, стройный, верхом на своем скакуне, уже был готов дать сигнал к охоте. Это был человек лет пятидесяти, в полном расцвете сил, молчаливый, надменный и резкий, с продолговатым лицом, жесткой черной

бородкой, пышными усами и густыми взъерошенными бровями, нависшими над пронизательными глазами. Он держал в ежовых рукавицах всех — и сыновей, Альфонса, Шарля и Одона, и конюхов, и псарей, и доезжачего Пьера Грёза.

Наскоро попрощавшись с дамами, охотники пускались в путь.

С раннего детства Маленькому Сокровищу была хорошо знакома охотничья терминология: «ату», «пазанки», «травить», «стеречь лаз», «идти в пяту». Он уже разбирался в собаках, соколах, у которых были злые глаза и острые клювы. Соколов для графа Альфонса обучали сокольничии Мартены из Рабастана.

Маленькое Сокровище был непоседлив, он так и норовил удрать из-под надзора, залезть в теплую конюшню и наслаждаться там резким запахом сена, подстилок, лошадиного пота. Иногда мальчик убегал на псарню, огромную, как хорошая овчарня, и присаживался на корточках рядом с породистыми гончими.

Он постепенно раздвигал границы своего мира. «У нас в роду крестят — и сразу в седло», — говорил граф Альфонс. Маленькое Сокровище подавал надежды: однажды его застали, когда он пил лошадиное пойло, заедая черным хлебом, который пекли специально для собак.

День в Боске пролетал незаметно. Вечерами все собирались в гостиной, и Маленькому Сокровищу, перед тем как увести его спать, разрешали побыть немного в обществе взрослых. После хлопотливого, утомительного дня наступало время отдыха и покоя. Женщины, сидя в глубоких креслах и накинув на плечи шелковые шали, вязали крючком, капеллан замка, аббат Пейр, покуривал трубку, мужчины беседовали об охоте, набивали патроны, читали, рисовали, лепили фигурки из воска.

Тяга к искусству передавалась у Тулуз-Лотреков из поколения в поколение. В Боске хранились портреты, выполненные в начале века отцом Черного Принца, — офорты, пастель, свинцовый карандаш. Граф Альфонс любил лепить лошадей и собак. Ему не составляло труда сделать набросок карандашом или пером. С такой же легкостью и охотой ри-

Франс Снейдерс. Оленья охота.

совали его младшие братья — Одон и в особенности Шарль, который проявлял большую склонность к искусству. «Когда мои мальчики подстреливают вальдшнепа, — говаривала бабушка Габриэль, — они получают тройное удовольствие: от удачной охоты, от натюрморта и от жаркого».

Стоя рядом с кем-нибудь из своих дядей, Маленькое Сокровище застывал, не отрывая глаз от руки, которая разбрасывала по бумаге линии и штрихи, а потом ловко соединяла их, и тогда неожиданно возникали ловчие, доезжачие, убегающие животные, затравленный олень, кабан с навалившимися на него псами... Мальчик ложился в гостиной у камина, где пылали толстые поленья, отыскивал остывший уголек и принимался старательно выводить на огромном ковре разные кружочки и квадратики.

Маленькому Сокровищу было около трех лет, когда 28 августа 1867 года у него родился брат, которого нарекли Ришаром. «Я одобряю это имя, — сказала бабушка, — один из наших предков, тоже Ришар, был женат на сестре английского короля Ричарда». В тот день, когда в соборе Альби происходило крещение младенца, Маленькое Сокровище находился на попечении жены каноника, которая, кстати сказать, сочла неприличным, что мальчик одет в короткие

штанишки и носочки. После крестин Маленькое Сокровище со своей опекуной принял участие в процессии, которая направилась в приходскую церковь, чтобы оставить запись в метрической книге. «Я тоже хочу расписаться», — заявил Маленькое Сокровище. «Но ты же не умеешь писать», — возразила ему жена каноника. «Ну и пусть, я нарисую быка», — ответил мальчик.

* * *

В семье графа Альфонса далеко не все обстояло благополучно. Маленькое Сокровище мог заметить, что иногда мать с особой нежностью вдруг прижимала его к груди, глаза ее в этот момент затуманивали слезы. Мягко говоря, графиня Адель была не совсем счастлива.

Эта застенчивая, скромная молодая женщина со светлыми волосами была чуткой, мягкой, необычайно тонкой и впечатлительной. Качества, которые можно было бы приписать буржуазному воспитанию, она унаследовала от своих предков Тапье де Селейранов. Родом из Азиль-ан-Минервуа, деревушки в сорока километрах от Каркассона, Тапье стали де Селейранами лишь в самом конце XVIII века. Тапье во время монархии занимали крупные посты в администрации Нарбонны — были судьями в коммерческих судах, генеральными казначеями, канониками. Люди деловые и предусмотрительные, они умели постоять за себя. Они значительно расширили свои виноградники, приобрели дома в городах. В 1798 году Эспри-Жан-Жак-Гуссен Тапье, прадед Маленького Сокровища, усыновленный в свое время каким-то дальним родственником Жаком Менго, владельцем Селейрана, советником Высочайшей счетной палаты города Монпелье, унаследовал титул приемного отца, все его имущество, и в частности поместье Селейран с красивым домом и полутора тысячами гектаров земли, большей частью засаженной виноградными лозами. Когда-то это поместье принадлежало рыцарям Мальтийского ордена, которые вершили здесь суд, разрешая не очень важные, важные и важнейшие дела, а также выносили смертные приговоры.

Графиня Адель любила спокойную уединенную жизнь, чтение и благочестивые размышления. Выходя замуж за своего кузена, она не представляла себе, какая судьба ждет ее. Пылкий темперамент Тулуз-Лотреков так отличался от тихого нрава Тапье де Селейранов!

Тулуз-Лотреки были людьми неукротимого порыва, в них бушевала кровь их предков — графов Тулузских и виконтов де Лотреков, чьи имена вошли в историю Франции. Неубузданные, своенравные, беспредельно отважные, они во все века славились безумными похождениями, неукротимостью страстей. Они были неистовы. Никакие превратности судьбы не могли их сломить. Обуреваемые жаждой деятельности, они принимали участие, оставив о себе как добрую, так и дурную славу, в Крестовых походах в Обетованную землю, в религиозных войнах и сражениях в чужих землях. Так, например, граф Тулузский Раймунд IV в 1099 году одним из первых вошел в осажденный Иерусалим, а его потомки, альбигойцы, вынужденные вести кровопролитные битвы, десять раз отлучались папами от церкви. Впрочем, они были не из тех людей, на кого это могло произвести впечатление. Презируя опасность, они в порыве гнева вздернули на дерево папского легата, у которого хватило наглости привезти им грамоту его святейшества. Как-то на одном обеде граф Адольф в разговоре с архиепископом с грустью воскликнул: «Ах, ваше высокопреосвященство, прошли те времена, когда граф Тулузский мог дать папскому легату под зад коленом, а затем, если ему хотелось, повесить его!» А ведь подобные эксцессы происходили даже по отношению к родственникам. Так, в 1214 году Раймунд VI приказал немедленно, при нем же, повесить своего брата Бодуэна, который вздумал переметнуться к Симону де Монфору¹.

Таковы были нравы предков отца Маленького Сокровища. Неугомонные, они, должно быть, все в какой-то мере походили на виконта Лотрекского, Одэ де Фуа, погибшего в 1527 году при осаде Неаполя. Брантом² писал о нем: «Лицо у него было вызывающее, оно потрясало... громадные шрамы, следы ран, полученных им в битве под Равенной, еще более усугубляли это впечатление...» Во время этой битвы его раненым остави-

Граф Альфонс де Тулуз-Лотрек правит упряжкой из четырех лошадей.

ли на поле боя, считая, что он мертв. Испанцы говорили о нем, что он «пренебрегал чужими советами, считая, что лучше ошибаться по собственной вине, чем следовать советам других».

Тулуз-Лотреки привыкли вести себя как самодержцы — недаром они тесно породнились с королевскими семьями Франции, Англии и Арагона, сочетавшись браком с братьями и сестрами, с сыновьями или дочерьми монархов. Для них не существовало никаких законов, кроме собственных. Их энергия была неисчерпаема. Летопись повествует не только о бранных подвигах Тулуз-Лотреков, она сохранила для потомства и рассказы о распутстве некоторых из них. Летопись рассказывает о дебошах в 1790 году некоего Пьера-Жозефа де Тулуз-Лотрека, графа де Фуа, о распутной жизни Аделаиды Тулузской, которую устраивал «любой мужчина, будь то батрак, сеньор, буржуа или крестьянин». Пьер-Жозеф де Тулуз-Лотрек сказал как-то, обра-

шаясь к герцогине де ла Тремуай: «Гражданка герцогиня, не надо смешивать любовь с постелью». Уже по одной этой милой фразе можно было создать представление о человеке.

Альфонс де Тулуз-Лотрек, отец Маленького Сокровища, поносил революционеров 1789 года и республиканцев, франк-масонов, бонапартистов и сторонников Орлеанской династии.

Это был крепкого сложения, коренастый, могучий мужчина, которому некуда было девать свои силы. До женитьбы — а женился он, когда ему было двадцать пять лет, — он после окончания Сен-Сирского военного училища в чине младшего лейтенанта был зачислен в 6-й уланский полк в Мобеже и там принимал участие во всех конных соревнованиях — в бегах, скачках, «релли-пепере» и «стипль-чезе», где показал себя таким замечательным наездником, что у всех отбил охоту состязаться с ним. Он был гордостью полка. Отчаянный, неутомимый, он способен был загнать за день трех лошадей, а сам при этом не чувствовал особой усталости, и потом можно было видеть, как он, свежий и бодрый, танцует и веселится всю ночь напролет.

Граф Альфонс знал свою кузину с раннего детства. Они нравились друг другу, понимали друг друга, но то, что им казалось любовью, было лишь «пламенем»³. С первых же дней супружеской жизни графиня Адель с разочарованием и не без тайного ужаса обнаружила, что ее муж совсем не такой, каким она представляла его себе. Ничто не сближало их, наоборот, все в нем отталкивало ее.

Шел 1868 год, а граф Альфонс по своей сущности был, скорее, человеком Средневековья, современный же мир предоставлял ему возможность тратить свою энергию лишь на охоту да на бегах и скачках. У него не было цели в жизни, он полностью шел на поводу у своих инстинктов, своих прихотей. А что могло его остановить? Деньги? У Тулуз-Лотреков был большой сейф, который пополняли управляющие, и каждый брал из него столько, сколько ему было нужно. Общественное мнение? Граф Альфонс, как и все его предки, был достаточно самонадеян, ему и в голову не приходило, что кто-то может осуждать его. Он не боялся выглядеть нелепо, в нем не было никаких сдерживающих начал. Он жил на своей особой пла-